

КИЗЯК В ЭПОХУ СПУТНИКОВ

ФАХРИ ЭРДИНЧ

«...В Турции кизяк составляет 25 процентов ежегодно расходуемого топлива...»

«...Мы могли бы поднять урожай в стране, если бы не сжигали естественные удобрения, а вывозили их на поля...»

«...В одной деревне женщина и девочка шли следом за коровой, чтобы подхватить свежий помет для кизяка. Когда девочка попыталась подскочить к корове первая, женщина убила ее ударом по голове...»

(Из газет)

— Му-у-у!

То, что так ревет корова, известно даже тем, кто видел ее только в книжке на картинке, кто знает крестьянскую жизнь по пейзажным идиллическим романам. А иным этот звук, низкий или высокий, короткий или протяжный, живо напоминает родную деревню, принося с собой запах хлеба. Даже если у них нет и не было своей коровы.

Но мне, читатель, все равно, ходили ли вы за коровой, то есть кормили, поили, чистили, меняли подстилку, доили, — или умеете только пить ее молоко. Это мычание я посылаю вам из нашей Анатолии. Вернее, я вас переносу в Анатолию. Тут уж вам не отвертеться: не поеду, дескать, в такую даль, зачем мне это надо. Мы промывали и тем самым повели наш рассказ.

Начать надо с того, что у нас в Турции вот уже несколько лет горячо дебатруется тема: «На какой стадии европеизации мы находимся?». Некоторые утверждают, что мы эту самую Европу уже догнали, перегнали и уверенно идем дальше. Так и говорят: мы мчимся к прогрессу со скоростью самолета, и если кто-нибудь прижмет покрепче да попрідержит Европу, пока мы летим, то она будет положена на обе лопатки.

Однако шутки в сторону. После Бразилии Турция занимает второе место по дороговизне жизни и одно из первых мест по темпам роста населения. Еды на всех не хватает. Урожай порой не оправдывает расходов на посев.

Анатолия постепенно превращается в пустыню. На теле каждого дерева, будь то молоденький саженец или столетняя сосна, видны следы па-

Фахри Эрдінч — современный прогрессивный турецкий писатель. Выпустил сборники рассказов «Скорпионы» (1950), «Бунтовщик» (1955), «Кладбище живых» (1964), роман «Один из Али» (1958), сборник стихотворений «Вот так» (1956). Автор ряда очерков и пьес.

Под общим названием «Кизяк в эпоху спутников» Фахри Эрдінч объединил две новеллы. Мы публикуем первую из них.

лача-топора. Из каждой сотни дел, рассматриваемых в судах, шестьдесят — конфликты на почве безземелья, тридцать — незаконные порубки. Что тут делать?

За советом обратились к специалистам из той самой Европы, которую мы обогнали, и даже из Америки. Задали людям работу на несколько месяцев. Написали они рапорты в десятки страниц. Заплатили мы им десятки и сотни тысяч лир, учитывая при этом не только их труд, но и расходы на дорогу и питание. Берем, читаем, что же они нам рекомендуют. Некоторые пишут так: «Главный бич Турции — 25 миллионов коз. Они обгладывают ваши леса и подтачивают ваш национальный бюджет». Видали, принцип расовой дискриминации хотят распространить теперь и на животных! Козы им помешали!

Другие заявляют: если не снизятся темпы роста населения, то через десять лет вся Турция будет голодать. Что делать? Ввести политику жесткого контроля над всем вплоть до повседневной жизни.

Третьи советуют: чтобы оживить эти засушливые земли, нужен правильный уход за ними с соблюдением всех требований агротехники и ирригации. Или идут еще дальше: необходима земельная реформа, которая объединит лоскутные участки в крупные хозяйства путем кооперации.

У страны нет таких капиталов, чтобы и земель деревню обеспечить, и создать промышленность, где могли бы приложить руки те два миллиона крестьян, что хлынут в город после осуществления реформы. А поэтому единственное средство, которое можно было бы рекомендовать уже сейчас, таково: ежегодно получаемые 15 миллионов тонн естественных удобрений не сжигать, а вывозить на поля.

«Шутка ли — 15 миллионов тонн!» — восклицает специалист. Об уровне развития страны можно судить по тому, какой процент занимают нефть и уголь в общем количестве ежегодно сжигаемого топлива. А в Турции 25 процентов энергетических ресурсов составляет кизяк.

— Му-у-у!

Эта наша корова подтверждает печальную истину. Мы находимся в той самой деревне, где из-за коровьего помета была пролита человеческая кровь. И надо же случиться так, что история, которую я вам поведаю, произошла как раз в тот день, когда в небо был запущен очередной космический корабль.

Корова, которая только что промывала, вышла из хлева. Не успела она завернуть за угол, как следом за ней отправились двое: вдова Фатма и девочка Элиф.

Вот они идут: впереди наша корова, сзади вдова Фатма, которую дома ждет орава детей, и маленькая девочка Элиф.

Я сказал «наша корова», но хочу заранее вас предупредить, что у нас с ней совершенно разные социально-экономические платформы. Корова принадлежит местному аге. Она серая, упитанная, ухоженная, рога полумесцем. Посмотришь на нее спереди — похожа на дочку аги. Сзади посмотришь — на жену аги. Мерно, в такт шагам, она вылизывает своим длинным розовым языком то одну ноздрю, то другую, словно ружье смазывает. Не прошло и получаса с тех пор, как ее подоили, а ее изжелта-розовое вымя уже опять набухло.

Только у вдовы Фатмы и у девочки Элиф с этим благодатным выменем тоже нет ничего об-

щего. Единственное, что их привязывает к корове, — это ее помет. Можете рассматривать это как познавательный интерес, если не найдете других, более подходящих выражений. Да, вы ведь не в курсе, как все это делается! Тогда давайте вместе проследим технологию процесса. Сейчас корова поднимет хвост, и дымящаяся лепешка будет подхвачена на лету подставленным под нее подносом. Когда корова делает это в хлеву, навоз идет хозяину на удобрение, а когда это совершается на улице, ее услугами пользуются бедняки. Они лепят из навоза кизяк. Бензин, керосин мы называем горючим. Кизяк по его специфическим признакам я бы назвал «вонючим».

— Му-у-у.

Это корова говорит: «Внимание, приготовить». Вдова Фатма с помятым медным подносом и девочка Элиф с жестяным ведром в руках устремились вперед, наступая друг другу на ноги. Обе в напряжении. Никто не намерен уступать. Они сцепились между собой еще на углу, в самом начале пути, Фатма сказала тогда девочке по-хорошему:

— Элиф, ступай отсюда. Ищи свое счастье у другой коровы.

— Нет, это ты иди за другой коровой, тетенька Фатма, — ответила девочка, вытирая рукавом гноящиеся глаза.

— Не упрямься, смотри — у меня и полкошелки еще не набралось.

— А у меня пустое ведро.

— Надо было раньше вставать, потаскухино отродье!

— Я встала, да меня все, кто посильнее, отталкивают...

Девочка всхлипнула. Однако зима на носу. Время упускать нельзя. В такую пору никто и не посмотрит на слезы какой-то девочки. Вдова Фатма дала девочке по задку и вывела ребенка с коровьей орбиты. А та уж опять на старом месте, словно ее веревкой к корове привязали. Фатма вознамерилась было ее ушипнуть, да чего там щипать-то, одни кости! А Элиф и не боится ее щипков. Разве это сравнить с той поркой, которую ей задаст мать, если она вернется с пустым ведром! Однако когда Фатма грязной от навоза рукой с силой дернула Элиф за волосы, положение несколько изменилось. Из уха девочки по тонкой шее струйкой потекла кровь. За ухом оказалась рваная рана. Должно быть, когда Фатма рванула ее за волосы, она сорвала у нее и ухо.

— Му-у-у.

Корова подняла хвост. Между тем рукопашная зашла так далеко, что Фатма, зацепившись ногой за ногу девочки, споткнулась и упала. Поднос ее полетел в одну сторону, кошелка в другую. Но она тут же опять вскочила на ноги. Подхватив свой поднос, она изо всех сил стукнула им по голове девочку, которая опять уже успела подбежать к корове. Мертвое тело девочки, перемазанное кровью, смешанной со слезами, упало в дорожную пыль. И рядом с ним на землю шмякнулась дымящаяся коровья лепешка.

Вдова Фатма тотчас склонилась над ней. Разгребая пыль, она старалась собрать все без остатка.

— Маленькая шлюха, такую прекрасную лепешку испортила, — бормотала она. — Ни себе, ни людям...

Мы публикуем стихи, навеянные трагедией оккупированных арабских кварталов Иерусалима. Они принадлежат перу арабского поэта Израэля, активного участника борьбы за права палестинского народа, за мир на Ближнем Востоке.

МАХМУД ДЕРВИШ

Песни любви Иерусалиму

1

Отче Город,
ты держишь меня в горсти.
Не кричу тебе, не шепчу: пусти.
Об одном молю:
град Любви и Мук,
погаси пожар моих скорбных рук
и бездонную душу мою приюти.
Как тепло лежать
на твоей груди.
Отче Город, моя судьба,
сажа горя слетает
с легких и лба...

2

Когда однажды поутру,
я от любви своей умру,
не хорони меня
ни в лоно земли,
ни в лоно огня.
Пусть могилой моей
станут ветра ресницы.
Твой голос посею я в почву дня.
Он будет под небом людей
колоситься.
В жилах — жар. Душе горячо.
Поддержи ее, град,
своим добрым плечом.
А не хочешь, жилы мои отвори
и в них солнцем гори
от зари до зари.
Через Голгофу лежит мой путь.
Жребий поэта горек.
Для тебя я разверз свою грудь,
входи в нее, Отче Город.
Не буду падать на дно тоски,
не буду дырять пулей виски.
Угли костра, гвозди креста
мне нипочем. Будут уста
славить тебя и после смерти
сквозь толщу земной тверди.
Над сердцем моим — твоя лазурь.
Падают в сердце молнии бурь.

Перевел с арабского
Георгий Ашкинадзе